

В душе Фань Сянь перепугался, но лицо его выражало благоговейное почтение. Он опустил глаза, чтобы не встретиться с направленным на него взглядом молодого императора, на вдовствующую императрицу, сидящую рядом, ему тоже было неудобно смотреть. Напротив находились далеко не молодые тайфу и премьер-министр, смотреть на них не представляло интереса, поэтому его взгляд сам собой оказался направлен в сторону стола рядом с тайфу.

За этим столом никого не было: интересно, что за уважаемая персона даже теперь всё ещё не заняла своё место? Пока он думал, некто вышел из-за колонны коридора рядом с длинными бассейнами в главном зале, потом поклонился в сторону вдовствующей императрицы и императора и спокойно сел за тот самый столик. Дворцовая служанка тут же подошла налить вино.

Этот человек был одет в чёрно-красные одежды. Высокий и стройный, он излучал величие и мощь, в его глазах царил нерушимый покой и глубина, словно в заброшенном колодце, где не видно дна. Но самым странным было то, что у него на талии висели цепи с двумя ятаганами — он прямо так пришёл в главный зал. Это что за дерзость!

Фань Сянь замер от удивления и, наклонив голову к Линь Цзину, спросил:

— Кто это? Тот, кто сидит рядом с императорским наставником, к тому же может спокойно пронести оружие во дворец, наверняка неординарная персона.

Линь Цзин тихим голосом представил вошедшего:

— Это ученик наставника императора Ку Хэ, господин Лан Тао, командир дворцовой стражи. Но я слышал, что последние несколько лет он отвечает за обучение государя боевым искусствам, а остальным обязанностям не столько уделяет внимание.

Фань Сянь угукнул, похоже, что-то понял и с нотками потрясения в голосе сказал:

— Так, значит, это и есть старший брат по учению барышни Хайтан? Неудивительно, что он позволяет себе так вольно себя вести.

В это время спокойный и глубокий взгляд Лан Тао уже остановился на Фань Сяне.

Фань Сянь улыбнулся, и поднял в его сторону бокал с вином, показывая, что хочет выпить в его честь, и одновременно проговорил так, чтобы можно было прочесть по губам:

— Приветствую.

Лан Тао нахмурился, непонятно о чём подумав, затем после недолгих колебаний наконец тоже поднял чарку, качнул её в сторону Фань Сяня и осушил.

Линь Цзин тихо сказал Фань Сяню:

— Господин Фань, с этим человеком, конечно, следовало бы завязать дружбу, но, к сожалению, послезавтра уже в обратный путь, а сегодня вы лишь впервые встретились.

Фань Сянь изобразил на лице сожаление, но про себя думал: интересно, узнал ли его Лан Тао? Пока он про это думал, Лан Тао с сомнением разглядывал молодого чиновника из государства Цин. Тот держался естественно, и ни капли не походило, что это поддельно. Неужели Шэнь Чжун был прав, и человеком в чёрном у обрыва был телохранитель Чэнь Пинпина Тень, а не этот преемник главы Контрольной палаты Фань Сянь?

Фань Сянь спокойно обвёл взглядом всех присутствующих и спросил:

— Почему я не вижу господина Шэня?

Линь Цзин ответил:

— Хотя Шэнь Чжун и занимает пост главы контрразведки, но его чин недостаточно высокий для главного зала, к тому же сегодня именины вдовствующей императрицы, наверняка он отвечает за порядок в столице в этот день.

Фань Сянь кивнул и оставил эту тему. Через какое-то время во дворце постепенно зазвучала придворная музыка. Звучание инструментов создавало яркие ощущения, в зале запорхали танцовщицы, свет затопил зал. Праздник наконец начался.

Сначала молодой император поднял бокал за здоровье вдовствующей императрицы, потом низкоранговые чиновники один за другим преклонили колени, моля о долгих годах для именинницы. Фань Сянь, будучи чиновником иностранного государства, сидел в первом ряду, а рядом у него был Линь Цзин, чтобы тайно подсказать ему, как следует себя вести, поэтому Фань Сянь спокойно пережил этот церемониал.

Прелестные служанки принесли вино и закуски, бесшумно и непринуждённо они распределились, для каждого столика своя. Каждый раз, когда девушка прислуживала Фань Сяню, он немного отклонялся и улыбался. В глазах местных чиновников это смотрелось наигранно, но были и те, кто чем дальше, тем всё сильнее впечатлились этим выдающимся представителем молодого поколения: как и ожидалось, он отличался от обычных людей.

Фань Сянь же, смотря на этих прелестных и покладистых служанок, в душе всё сильнее тревожился. Молодой император каждый день среди такого цветника и до сих пор не начал предаваться сладострастию, тут явно было нечто подозрительное.

Хотя именины императрицы не походили на день рождения простой престарелой дамы, но и отличались не так чтобы очень сильно, разве что гости были очень высокопоставленными, а вино и закуски — изысканными. Конечно, оставшиеся празднования после еды ощущались уже обременительными, это точно не то представление, что на праздновании пятидесятилетия старшей госпожи Ли в Китайском паладине.

Фань Сянь помассировал виски, на лице у него продолжала играть тёплая улыбка, но в душе он уже ругался матом.

Нежные девушки теперь называют себя «мать», разыгрывая прямоту, грубые мужики до омерзения застенчиво улыбаются, мясники любят постную еду у соседей, а не сумевшие вовремя выйти замуж тётушки с удовольствием становятся свахами. Все эти люди любят то, что меньше всего им свойственно, и больше всего любят делать то, для чего меньше всего подходят. С точки зрения психологии, то, чего больше всего не хватает, подсознательно больше всего привлекает внимание.

Так, изначально прославившееся ратными достижениями государство Цин под руководством императора вступило на путь развития культуры. Все столичные генералы и мастера боевых искусств стали собираться на так называемые литературные встречи. Во дворце благородная супруга Шу была знаменита увлечением литературой, поэтому пользовалась благосклонностью. Второй принц унаследовал её глубокую увлечённость и этим сильно полюбился народу, но тут вдруг откуда не возьмись появился гений поэзии Фань Сянь и сразу же перетянул на себя обожание и почитание всех образованных людей.

А Северная Ци, будучи сердцем просвещённости и учёности для всей Поднебесной, теперь воодушевлённо стремилась к могуществу, но хотела конкурировать не на литературном поприще, а на поле боя, отбросив риторику и приготовив кулаки, чтобы настоять на своём. Поэтому мастера боевых искусств Северной Ци все как один желали сразиться с Фань Сянем и накидали перед входом в посольство Южной Цин столько ятаганов, что гора из них высилась, словно гора Яньшань посреди долины.

Фань Сянь же заперся в посольстве и выходил только с Хайтан, с трудом уклоняясь от горестной участи каждый день драться на поединках. Кто же мог подумать, что прямо перед самым отъездом на родину необходимость вступить в поединок его всё же настигнет в главном зале.

— Господин Фань, как вам такое предложение?

Вдовствующая императрица улыбнулась, обратив свой взор в сторону сидящего за своим столиком Фань Сяня. Хотя это и прозвучало как вопрос, но тон явно указывал на то, что возражения не принимаются.

Фань Сянь вздрогнул. Ранее один генерал из Северной Ци предложил посостязаться в боевом

искусстве, и хотя звучало это красиво, якобы обменяться опытом для дальнейшего совершенствования навыков, но кто же не понимал, что подданные Северной Ци знают, что им не превзойти так называемого бога поэзии целой эпохи, поэтому нашли другой способ опозорить Фань Сяня. К тому же, непонятно почему он не нравился вдовствующей императрице.

Он поднялся с места, обвёл взглядом зал, а потом вдруг рассмеялся:

— Ваше величество, вдовствующая императрица, моим рукам не хватит силы даже свернуть шею цыплёнку, может, лучше не надо состязаний?

Со всех сторон в зале тут же послышался хохот, никто не поверил в слова Фань Сяня, ведь он убил Чэн Цзюйшу, а также победил Е Лин'эр. Эти его прошлые дела уже давно были известны всей Поднебесной, он прославился как редкий талант одновременно и в поэзии, и в боевых искусствах. Чиновники Северной Ци никак не ожидали, что у этого главного посла государства Цин настолько трусливый нрав.

Вдовствующая императрица и глазом не моргнула:

— Не стоит скромничать, господин Фань.

На эти слова Фань Сяню сложно было ответить отказом.

У него слегка дёрнулось веко, а про себя он подумал, что недаром в прошлой жизни в романах про попаданцев главные герои придерживались славных традиций Вэй Цзюэ*: звать вдовствующую императрицу старой шлюхой. Если сейчас сдать, он опозорит свою страну, и по возвращении на юг ему будет сложно объяснить это отцу и старому калеке, и тогда неизвестно, на какие гнусные уловки может пойти Синьян, чтобы ослабить его.

С улыбкой на всё лицо он сделал полшага назад, сложил руки в уважительном жесте и поклонился, принимая повеление.

Глаза вдовствующей императрицы едва заметно сверкнули, на лице же сидящего рядом императора отразилось горестное выражение, он заботливо предупредил:

— Посланник Фань, если вам нездоровится, то можно и отказаться.

Хотя за всё время знакомства с императором они успели поговорить лишь несколько раз, к тому же Фань Сянь чего только не думал про него, но услышав в его словах искреннюю заботу и подумав, что он всё же царственная особа, невольно оказался немного тронут, поднял голову и уверенно ответил:

— Ваше величество, даже если я разбрызгаю кровь перед тронным залом, пусть это будут

кровавые цветы в подарок на именины вдовствующей императрице.

Эти слова ни во что не вписывались и нарушали дворцовый этикет, что сразу же испортило атмосферу, а лицо вдовствующей императрицы мгновенно помрачнело. Император, напротив, заулыбался, решив, что это очень остроумно, а этот Фань Сянь хоть и кажется внешне мягким и податливым, но характер у него на деле необычно строптивый и он ни в какую не согласится на то, что для него принесёт убытки. Император взмахнул рукой и сказал:

— Этих слов достаточно. Конечно, состязание в боевых искусствах не должно выходить за соревновательные рамки.

Император ледяным взглядом окинул зал с придворными и продолжил:

— Если кто-то думает, что не сможет удержать свою силу в нужных пределах, то пусть не выходит на бой, чтобы не показать себя с неприглядной стороны.

Эти слова нарушили планы тех, кто хотел разыграть бой так, чтобы якобы случайно ранить противника.

Подданные вздрогнули, обнаружив, что этот молодой император за последние годы невероятно быстро возмужал, и это поражало. Излучаемое им могущество и величие постепенно выросли так, что их сложно было преуменьшить. Но самое странное... чёрт возьми, с чего бы этому молодому императору так хорошо относиться к Фань Сяню? Он вообще наш император или император государства Цин?

Между делом из бокового зала уже явился один генерал, поклонился вдовствующей императрице и императору, а потом низким голосом сказал:

— Подданный Чэн Пучжу желает сразиться с господином Фань Сянем из Цин.

Вдовствующая императрица слегка кивнула. Император знал, какого уровня боец этот Чэн Пучжу, он был племянником Лан Тао по учению, можно сказать, что оба принадлежали к прославленной школе. Сегодня неся дежурство по охране дворца, он, должно быть, получил от начальства приказ, поэтому вышел вперёд для соревнования в боевых искусствах. Император узнал от Хайтан, что Фань Сянь уже стал мастером девятого уровня, а Чэн Пучжу находился всего лишь на седьмом, отчего так... Император глянул на Лан Тао, своего наставника в боевых искусствах, и обнаружил, что тот спокойно сидит на своём месте, ни капли не реагируя на происходящее.

Чэн Пучжу поклонился в сторону Фань Сяня и низким голосом произнёс:

— Господин Фань одарён и в поэзии, и в боевых искусствах, ваше имя гремит по всей Поднебесной, прошу вас помочь мне обнаружить мои слабые места.

Фань Сянь улыбнулся и тоже глянул на Лан Тао. Он знал, что это соревнование во дворце вовсе не для того, чтобы выявить, кто победит, а для того, чтобы до того как Фань Сянь вернётся на родину, Лан Тао сумел хорошенько рассмотреть его стиль ведения боя, ведь после прибытия в Северную Ци Фань Сянь ни разу не дрался на публике. Наверняка у Лан Тао до сих пор оставались сомнения насчёт того человека в чёрном на краю обрыва.

Он сложил руки в уважительном жесте в сторону Чэн Пучжу:

— Господин Чэн?

Чэн Пучжу пробасил:

— Так и есть.

Фань Сянь ответил:

— Вы мне не соперник, — и после этого сел на место.

Придворные сразу зашумели, про себя полагая, что этот Фань Сянь слишком уж заносчив. Пока они так думали, раздался уверенный голос:

— Прошу господина Чэня указать мне на слабые места.

Чэн Пучжу уже рассердился, но тут увидел как из-за спины Фань Сяня вышел вперёд его телохранитель и встал перед ним. В этот миг через стекло крыши дворца в зал проникли солнечные лучи и сразу стало очень светло, поэтому можно было ясно рассмотреть, как на лице этого телохранителя отразилась готовность сражаться насмерть.

Гао Да сделал всего лишь один шаг вперёд, но при этом мгновенно преобразился. Из ничем не примечательного телохранителя, спрятанного в тени Фань Сяня, в одно мгновение в его внешности вдруг проступили смутные намёки на черты, присущие великим мастерам. И хотя в это время в зале не было ветра, но движение истинной ци в теле Гао Да заставило полы его одежды развеяться, словно на лёгком ветру.

Фань Сянь использовал свой столик как прикрытие и, наполовину съехав на пол и держа рюмку двумя пальцами, прищурился, краем глаза наблюдая за выражением лица Лан Тао напротив.

Похоже, Лан Тао не особо интересовало происходящее, в его руке были палочки, которыми он цеплял закуски. Но зоркий глаз Фань Сяня всё же сумел рассмотреть, как Лан Тао чуть дёрнул подбородком, видимо... выражая согласие.

Чэн Пучжу глубоко вздохнул, глядя на Гао Да перед собой. Все в столице знали, что этот человек — мастер боя, приехавший из Южной Цин с послами, однажды он даже одним ударом взял верх над генералом Тань У — ближайшим подчинённым генерала Шаншань, так что звание мастера точно не было пустым звуком.

Но даже если и так, Чэн Пучжу не мог отступить. Едва увидев его, он тут же воскликнул:

— Прошу государя позволить мне использовать оружие!

Хотя молодой император и ценил Фань Сяня, но всё же дураком не был и знал, что является императором не какой-то другой страны, а именно Северной Ци, он также очень ценил смелость и престиж генерала, поэтому с одобрением сказал:

— Дозволяю... генерал Чэн, будьте внимательны, в этот раз всего лишь обмен опытом в боевых искусствах. Вы тут представляете честь императорского двора, и вне зависимости от победы или поражения вам полагается награда.

Виновница торжества, вдовствующая императрица, глянула на сына полным одобрения взглядом, но молодой император довольно улыбался, казалось, не заметив взгляда матери.

Линь Вэнь и Линь Цзин рядом с Фань Сянем сильно встревожились, про себя подумав: перед самым отбытием на родину — и такой инцидент во дворце. Если победит их сторона, то сторона Северной Ци потеряет лицо, а это нехорошо. А если их сторона проиграет, то потеряет лицо Великая Цин, что ещё хуже. Но за последние несколько десятилетий чиновники Цин приобрели врождённую непокорность. Столкнувшись с провокацией, пусть даже и не имеющие отношения к военным делам чиновники тут же разгневались и сказали Гао Да:

— Телохранитель Гао, не переусердствуйте, не надо побеждать со слишком уж большим перевесом.

В бой не вступали, а уже говорят про победу. Фань Сянь глянул на двух заместителей главного посланника и ухмыльнулся, подумав, что эти двое ещё заносчивее, чем он сам. Потом он повернулся в сторону трона и произнёс:

— Государь, прошу позволить принести меч в тронный зал для моего подчинённого.

Император с лёгкой улыбкой посмотрел на него и махнул рукой.

За пределами дворцового зала уже давно знали, что намечается соревнование в боевых

искусствах. Из-за сегодняшних именин императрицы уже были некоторые послабления в правилах поведения, к тому же император лично дозволил, и вот уже пировавшие в боковом дворце придворные воодушевлённо хлынули ко входу в главный зал, чтобы стать свидетелями намечающегося зрелища.

Молодой евнух через боковые двери главного зала принёс длинный меч Гао Да и передал евнуху главного дворца. Фань Сянь, заметив, что за дверями перед входом стоит Ван Цинянь и хитрым взглядом смотрит в его сторону, вздрогнул и подумал, неужто Ван Цинянь решил тряхнуть стариной и у него чешутся руки потрогать во дворце ценные безделушки.

В это время в руках у Гао Да уже оказался меч, и его настрой сразу же воспарил до неких удивительных областей. Уже больше не было прежнего величия и исходящего от него давления, в зале остался... похоже лишь меч. Хотя и говорится о единстве человека и меча, но со стороны это ощущалось как только один меч.

Рука Лан Тао, держащая палочки, замерла, он посмотрел на уникальный меч в руках Гао Да и немного нахмурился, кто знает о чём подумав.

Чэн Пучжу встал напротив Гао Да, посмотрел на этого уверенного в своих силах противника, затем отбросил все лишние мысли, сделал вдох и медленно вынул ятаган из ножен. Характерный звук трения меча о ножны заставил закипеть кровь присутствующих.

Хотя Гао Да не сдвинулся с места, но, сжимая в двух руках длинный меч, он слегка отклонил тело на несколько цуней в сторону.

Чэн Пучжу медленно активизировал истинную ци, позволив ей пропитать собственное запястье и ощущая, как предплечье становится единым целым с ятаганом. Только после этого он немного приподнял клинок. Будучи из школы Ку Хэ и приходясь Лан Тао племянником по учению, он хотя и был всего лишь на седьмом уровне, но был преисполнен уверенности в себе, происходящей от принадлежности к сильной школе. Противник мог себе позволить своеволие, но он не мог.

Клинок сверкнул, словно молния!

Расстояние в более чем чжан между этими мастерами исчезло в одно мгновение, будто его и не было. В следующий миг Чэн Пучжу уже оказался перед Гао Да настолько близко, что их лица и тела чуть ли не соприкоснулись.

А сверкнувший, как молния, клинок в руках Чэн Пучжу странным образом навис сверху, поднятый высоко над головой, а остриё нацелилось прямо в плечо Гао Да.

Противники находились слишком близко друг к другу, поэтому Чэн Пучжу мог использовать

только этот коварный и непредсказуемый приём нависающего клинка. К тому же Гао Да обеими руками держал длинный меч, в этот момент у него даже не было шанса вынуть его из ножен, но пусть даже меч был бы обнажён, на таком близком расстоянии всё равно невозможно было хоть как-то применить его.

Не зря Чэн Пучжу принадлежал к такой знаменитой школе: в самое короткое время, опираясь на суждение об оружии противника, он сумел придумать, как подавить врага.

Придворные немного испугались, словно ожидая, что сейчас из плеча Гао Да хлынет кровь.

Фань Сянь слегка нахмурился: похоже, он не ожидал, что Чэн Пучжу начнёт действовать настолько быстро и жёстко, словно гром в бурю, не дающий времени заткнуть уши.

Треск! Очень неприятный для слуха звук раздался в зале. За ним последовал звук чего-то ломающегося и сдавленный стон. В следующий миг вдовствующая императрица, император и придворные за порогом зала с изумлением увидели, как из помещения вылетел человек!

Чэн Пучжу с размаху приземлился на землю, всё его лицо было в крови, похоже, он был очень сильно ранен.

Все решили, что Гао Да при помощи истинной ци отбросил Чэн Пучжу так, что того вынесло из зала, и это очень пугало. Отбросить своей истинной ци мастера седьмого уровня на такое расстояние, кроме четырёх грандмастеров, могли разве что несколько сильных бойцов девятого уровня, а Гао Да... был всего лишь телохранителем в составе делегации послов из Южной Цин.

И только мастера боевых искусств, присутствующие среди зрителей, смогли как следует разглядеть, что произошло. Пока Чэн Пучжу пытался проткнуть плечо Гао Да ятаганом, тот, не вынимая меча из ножен и держа его двумя руками, поднял меч рукоятью вверх.

Рукоять длинного меча имела на конце округлость примерно в один цунь, и именно эта небольшая площадь рукояти внезапно поднялась навстречу острию ятагана Чэн Пучжу.

Длинный меч Гао Да был в рост с человека, и когда он поставил меч вертикально, то ножны упёрлись в пол.

Поэтому, когда остриё ятагана наткнулось на рукоять меча, это было равносильно тому, что истинная ци и сила Чэн Пучжу через меч Гао Да, словно через мост, наткнулась на каменную плитку пола. Гао Да же остался ни при чём, глядя на то, как удар Чэн Пучжу, на который тот долго копил силы, натолкнулся прямо на Землю.

А земля прочная, ей нет дела, будь ты хоть грандмастер.

В этот миг Чэн Пучжу ощутил, как мощная сила возвращается обратно с кончика ятагана и сбивает ему дыхание.

И как раз в это время Гао Да отпустил меч, охватил ладонью кулак другой руки, его предплечья образовали дугу и, крутанувшись влево, он прочным, словно сталь, локтем правой руки очень сильно ударил Чэн Пучжу по челюсти. Удар и правда был мощным, сразу же посыпались зубы, порвалась губа и полилась кровь. Здесь Гао Да проявил снисходительность, а иначе после его удара Чэн Пучжу попрощался бы с жизнью.

Чем говорить, что Чэн Пучжу пал от руки Гао Да, почему бы не сказать, что он пал от руки Земли?

Старший евнух уже помог Чэн Пучжу отойти к лекарям. Гао Да спокойно поклонился императору и вдовствующей императрице, поднял свой длинный меч и медленно вернулся за спину Фань Сяню. В этот момент плита из светлого камня, на которой велось сражение, с треском раскололась. Только тогда все придворные поняли, что так и не обнажённый длинный меч был вбит в камень ятаганом Чэн Пучжу. Что же это за силища такая?

Поняв хитрость Гао Да, придворные заспорили, но сказать тут было особо нечего.

Видя настроение чиновников Северной Ци, Фань Сянь самодовольно улыбнулся. Зрителям эта улыбка показалась возмутительной. Фань Сянь же взял свою чашку с вином и передал назад.

Гао Да слегка удивился, но затем взял и выпил залпом.

— Благодарю за вино, господин, и за указания.

Никто не знал, что за указания дал ему Фань Сянь.

Фань Сянь улыбнулся и ответил:

— За вино нужно благодарить вдовствующую императрицу...

Не успев договорить, он заметил, что во дворце внезапно стало тихо, замолчали даже чиновники и евнухи за стенами зала, потому что... Лан Тао заговорил.

Лан Тао с улыбкой посмотрел на Фань Сяня и сказал:

— Не зря все превозносят маленькие уловки господина Фаня. Я не ожидал, что даже ваши телохранители знают их. — Сказав это, он встал и осторожно развязал на себе верхние одежды, передав их стоявшей позади служанке, и обнажил два скреплённых ятагана, висевших у пояса.

В зале поднялся шумок.

Лан Тао собирается показать себя! Лан Тао — первый ученик императорского наставника и учитель императора по боевым искусствам. Столичные чиновники не видели его в деле уже много лет и не ожидали, что сегодня он нарушит традицию ради жителей Южной Цин.

Придворные смотрели на Лан Тао горящими глазами, но из-за его особого положения не смели ничего сказать.

Не дожидаясь выхода Лан Тао, Фань Сянь засмеялся и махнул рукой:

— Я вам не соперник.

Раньше он высказал Чэн Пучжу, что тот ему не соперник, а теперь признал, что и сам кому-то не ровня. В понимании Северной Ци это было весьма откровенно и благородно.

Но Лан Тао улыбнулся и ответил:

— Соперник или нет, выясним в бою.

У Фань Сяня затрепетало сердце. Он понимал, что, если ему действительно придётся сражаться с этим мастером, то, во-первых, без тайного самострела, отравленных игл, афродизиака и ядовитых порошков он не продержится и трёх ударов, а во-вторых, если противник действительно убедится, что на краю обрыва был именно он, то Ку Хэ, всеми силами скрывающий сведения о Свящённом храме, выследит его и убьёт.

Он нахмурился, всё же понимая, что личный вызов от Лан Тао с его статусом — это уже достаточное уважение к людям из Южной Цин, и ему нельзя позволять Гао Да снова сражаться. Как раз когда он постепенно укрепил своё сердце и приготовился действовать, он услышал голос:

— Брат, позволь мне.

Фань Сянь был рад, очень рад.

Жители Северной Ци тоже обрадовались, а те, кто видел всё своими глазами, — куда сильнее.

Хайтан медленно выступила из-за спины вдовствующей императрицы и слегка поклонилась Лан Тао со словами:

— Старший брат, я иду.

Увидев, что это она, Лан Тао умилился:

— Хорошо, сестричка, конечно... только остерегайся уловок господина Фаня.

Хайтан поклонилась вдовствующей императрице и императору, но ничего не сказала. Подойдя к Фань Сяню, она улыбнулась:

— Ты идёшь?

— Иду, почему бы нет? — Они совершенно не осознавали, что их разговор похож на игру в дочки-матери.

Конечно, жители Северной Ци, обступившие главный зал, этого не заметили, даже чиновники посольства Южной Цин этого не заметили: в это время все были охвачены каким-то предвкушением. Это ожидание относилось не просто к исходу сражения, не просто к государственному престижу, а исключительно к желанию увидеть, что произойдёт.

Один — гений поэзии из Южной Цин Фань Сянь, мастер стихосложения и боевых искусств, который ещё до двадцати лет стал преемником главы Контрольной палаты.

Другая — Хайтан, Святая Северной Ци, самый молодой мастер девятого уровня после Ку Хэ, легендарная Тяньмай, которая с наибольшей вероятностью станет пятым грандмастером.

Оба они лучшие из лучших среди современного молодого поколения. Ходят слухи, будто они как-то, увлечшись, гуляли по столице и, похоже, испытывали взаимную симпатию. Это ещё раз подтверждало, что они птицы одного полёта.

Они наконец оказались лицом к лицу.

Какое-то время спустя Ван Цинянь, ожидавший у входа в зал, зевнул, посмотрел на дерущихся в зале молодых людей и пробормотал:

— Кого вы пытаетесь обмануть?

Евнух рядом с ним возмущённо спросил:

— Во дворце, на состязании в боевых искусствах они устроили притворное сражение! Барышня Хайтан, как вы можете разочаровать зрителей?

Ван Цинянь недовольно ответил:

— Не получив денег со зрителей, они, конечно, не будут вкладывать душу в представление. Что с того, что драка поддельная? При их статусе императору будет неловко уличить их в притворстве.

* герой романа Цзинь Юна «Записки об олене и треножнике»

<http://tl.rulate.ru/book/96718/4063251>